

Виль Владимирович Липатов

Лида Вараксина

Виль Липатов
Лида Вараксина

«Public Domain»

1968

Липатов В. В.

Лида Вараксина / В. В. Липатов — «Public Domain», 1968

© Липатов В. В., 1968

© Public Domain, 1968

Содержание

1	5
Коричневые лакированные туфли	10
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виль Липатов

Лида Вараксина

Ирине Мазурук посвящается!

1

Ажурные чулки Лиде Вараксиной прислали в начале июля, когда уже начались покосы, река Чулым вошла в берега, а по вечерам на деревенской улице пахло сухой пылью. Чулки на почту поступили в пятницу, в субботу Лида организовывала в клубе танцы под радиолу, и в седьмом часу вечера она в обновке шла по длинной деревенской улице.

Лида была низенькая и полная, на руках и ногах набухали мускулы, а тело было таким тугим, что на выпуклых местах при ходьбе образовывались ямочки; загорелая кожа у нее блестела, словно покрытая лаком, но лицо от солнца Лида берегла, и потому напудренная кожа казалась неестественно бледной. Лицо Лиды имело широкоскулое, глаза монгольские, волосы всегда упрямо разделялись на прямой пробор, хотя она взбивала их в пышную высокую прическу.

Деревня была еще тихой, приглушенной; люди еще редко шли улицей, во дворах позванивали умывальники, над банями клубились серые дымки, так как вся деревня Яя после субботнего рабочего дня собиралась идти париться. Час-полтора оставалось до того времени, когда деревня оживет по-настоящему, и поэтому ажурные чулки Лиды Вараксиной по деревне прошли без приключений. Правда, старуха Струпина и ее средняя дочь Лялька, занятые топкой бани, увидев шагающую Лиду, специально подошли к забору, но отчего-то ничего не сказали.

В деревне было славно, тихо; казалось, что дома, палисадники, огороды, сама улица уютно поеживаются от дневной усталости, покряхтывая сладко, готовятся к длинному вечернему отдыху; дома, огороды, палисадники, улица, как и люди, за день устали и стряхивали тяжесть – вот уже весело поблескивают окна, в палисадниках загорались алые листья рябин,

на огородах прорезается вечерняя влажность, а улица делается от прозрачного воздуха шире, длиннее.

Возле клуба Лида остановилась и с удовольствием осмотрела висящий на бревенчатой стене кумачовый плакат со словами «Добро пожаловать!», порадовалась тому, что березовые ветки, которыми она украсила клубные двери, еще не повяли, но хмуро сдвинула брови, когда увидела, что два стекла плохо протерты уборщицей тетей Клавой. Затем Лида подошла к дверям, вынув из белой сумочки ключ, открыла большой амбарный замок.

Клуб был как клуб. Крохотная сцена от небольшого зала была отгорожена потертым бархатным занавесом, над сценой висел плакат «Кино – самое массовое из искусств», на стенах

– фотографии передовиков колхозного производства и еще несколько плакатов и лозунгов. Вместо стульев в зале стояли длинные некрашенные скамейки, которые для танцев были расставлены вдоль стен. Слева располагались две невысокие полки с потрепанными книжками, а к ним примыкал маленький столик, застланный красной скатертью из плакатного материала.

Войдя в клуб, Лида тяжело вздохнула и сурово сдвинула накрашенные брови, хотя они у нее и без того срослись на переносице. На пятачке свободного для танцев пола было написано крупными буквами: «Лида, сердце мое с тобой! Бросай комедию, давай гулять». Слова написал несносный тракторист Витька Вдовин, и, значит, уборщица тетя Клава не была виновата в том, что два оконных стекла были плохо протерты.

– Ну так и есть! – грустно сказала Лида, заметив, что левое окно не было закрыто на шпингалет. Это Витька Вдовин его вчера специально открыл, а сегодня пробрался в клуб, написал позорные для Лиды строчки и заляпал стекла вечно замасленными руками. «Надо предпринимать решительные меры!» – подумала Лида о трактористе и села за красный столик.

Она положила подбородок на руки и начала неторопливо обдумывать жите-бытье, так как ее любимая преподавательница Галина Захаровна учила, что культпросветработники должны тщательно взвешивать каждый свой шаг. «Заведующий клубом на селе – огромная культурная сила! – говорила Галина Захаровна. – Трудно переоценить то влияние, которое он оказывает на сельского жителя, потому, девочки, вы обязаны обдумывать каждый шаг!»

В клубе жила амбарная мышинная тишина; листовенничные стены были толсты, потолочный накат тяжел. В ажурных чулках, в модном платье, с модной прической, Лида сидела за красным столом, и вялые, прозрачные слезинки стыли в уголках ее выпуклых подкрашенных глаз. Именно поэтому плакать она не смела (краска могла потечь); еще немного посидев, Лида решительно поднялась, подошла к небольшому зеркалу, что висело возле дверей.

– Нельзя падать духом! – сказала Лида громко и выпрямилась. – Надо учиться преодолевать трудности.

Приблизившись к зеркалу вплотную, Лида аккуратно припудрила нос, подправила губы, поведя плечами, вернула на место бюстгальтер, который был тесен ее каменным грудям, решительными шагами пошла к дверям, так как на крыльце слышалась тяжелая поступь и деликатное покашливание. Прошла секунда-другая, и в дверях, обрамленных березовыми ветками, появился клубный завсегдатай Иван Иванович Пассекунов, а проще – дядя Ваня, колхозный сторож, пророк и философ.

– Мир дому сему! – сказал дядя Ваня и снял с головы потрепанную шляпу. – Лидии Васильевне наш нижайший поклон!

Как и положено сторожу, пророку и философу, дядя Ваня был лыс и бородат, носил очки на веревочках, на плечах имел косоворотку с двадцатью пуговицами, а на ногах – валенки, так как даже в жару ноги у старика мерзли. Деликатно кашляя, глядя на Лиду почтительно, дядя Ваня прошагал на мягких ногах в клуб, робко остановившись возле красного стола, сделал просительный жест.

– Обеспокоен насчет свежих газеточек, – сказал он робко и опять покашлиал в кулак. – Это я в смысле того, что могу ли почитать свежие газеточки.

– Почта для вас подобрана! – звучным голосом ответила Лида и особым шагом прошла к полке. – Вот свежая пресса!

С той самой секунды, как дядя Ваня появился в клубе, Лида Вараксина начала двигаться и разговаривать так, как делала это ее любимая преподавательница Галина Захаровна: Лида ходила на прямых ногах и чуть покачиваясь, глаза зорко и надменно прищуривала, плечи держала приподнятыми, а букву «р» произносила со звучной картавинкой, так что слово «пресса» прозвучало как «пхесса».

– Садитесь за стол, Иван Иванович! – пригласила Лида. – Посидите, пока не начались танцы.

В ответ на ее слова дядя Ваня обрадованно вскинул голову, разулыбался беззубо, но за стол сел не сразу, а потоптался еще на месте и сказал:

– Конопля хороши, овсы секутся. Если дело так пойдет, год будет для коровы опасный. Вех вырастет злой! А взять лето по клеверу, то окунь начнет клевать в омутах. Но шуку ты на удочку не бери! Ты ее бреднем бери, шуку-то, Лидия Васильевна.

Дядя Ваня всегда говорил запутанно, непонятно, и Лида на него смотрела спокойно, соглашаясь, кивнула и еще раз пригласила старика сесть за красный столик, но он не сел и на этот раз. Благодарный за газеты, за лучшее в клубе место, старик смотрел на Лиду с искренней нежностью и, наморщив лоб, мучительно искал слова, которыми бы мог отплатить молодой завклубше за ласку. Сначала он ничего придумать не мог, затем вдруг его серые губы ликующе расплылись.

– Ты, Лидия Васильевна, не горюй, не плачь по народу-то! – ласково сказал старик и прижмурился от полноты чувств. – Сейчас в клубе народу нет, но зимой народ пойдет! Зимой ему деваться будет некуда, вот такая история...

Успокоив Лиду, довольно улыбнувшись, старик, наконец, сел за стол и начал читать первую страницу первой газеты.

– Вона что! На-кась тебе! Ишь ты! – бормотал дядя Ваня.

В ожидании посетителей Лида села на лавку, прислонившись затылком к прохладной стене, спокойно стала думать о своей зарождающейся любви к учителю Вадиму Сергеевичу. Она всегда употребляла в мыслях слова «зарождающаяся любовь», когда думала об учителе, и эти слова тоже принадлежали преподавательнице культпросветшколы Галине Захаровне.

Об учителе Вадиме Сергеевиче и любви к нему Лида думала серьезно, обстоятельно и деловито. Она с решительной прямоотой призналась сама себе в том, что Вадим Сергеевич пока еще не испытывает к ней больших чувств, так как еще не стремится каждую минуту проводить с ней. Вчера Вадим Сергеевич, провожая ее, хотел поцеловать, но не решился, а она его не подбодрила. «Еще рано!» – вчера подумала Лида, да и сегодня считала, что поступила правильно: истинное чувство надо долго вынашивать, а моральный облик культпросветработника она обязана беречь как зеницу ока.

– Империалисты бряцают оружием! – сказал дядя Ваня, дочитав страницу. – Но самое смешное, что Бонн вытворяет. Странишка с гулькин нос, а все ершится... Ты, Лидия Васильевна, на Бонн держи вниманье! Немец, он такой, он свинью придумал. А свинья, скажу я тебе, Лидия Васильевна, самое умное животное. Вот народ говорит, что собака да лошадь умна, но ты на свинью глаз поверни. Она любой собаке или кобыле сто очков даст!

Старик за шнурочки снял очки, направил на Лиду ликующий взгляд выцветших радостных глаз и уж было взмахнул рукой, чтобы рассказать про свинью, как Лида энергично поднялась, стуча каблуками, вышла на крыльцо, так как ей показалось, что по деревне бредет музыка. «Наверное, Доможаров с баяном!» – подумала Лида, но ошиблась; это включился громкоговоритель на телеграфном столбе.

Между тем улица понемногу оживала. Две стайки девчат уже ходили вдоль палисадников, пятеро мальчишек катили на велосипедах; шли, разговаривая, правленцы из конторы, две старухи сидели на лавочке и глядели на правленцев въедливо. Солнце клонилось к закату, тени молодых тополей пересекали улицу пестрыми полосками, а листья рябин в палисадниках горели ярко, празднично, словно нарочно старались сделать улицу веселой.

Оживала улица, веселела и пестрела, а потом на ней появилось и вовсе неожиданное: из незнакомого Лиде дома вдруг вышли несколько молодых парней и девушек, постояв в кружке и чему-то посмеявшись, двинулись серединой улицы по направлению к клубу. Когда они приблизились, Лида увидела, что молодые люди одеты хорошо, по-городскому, лица у них белые, а смех и голоса слишком бесцеремонны и громки для деревни. «Вот это кто!» – радостно подумала Лида.

По вечерней улице гуляли студенты, приехавшие на каникулы к родителям. Зорким глазом деревенской жительницы Лида разглядела, что высокий и черноволосый парень похож на директора средней школы Садовскую, паренек пониже ростом косолапой походкой напоминает доярку Ефросинью Мурзину, другой паренек – копия жены председателя колхоза, а две девушки в белых платьях – дочери кузнеца Былина и комбайнера Страхова. «Так вот кто это такие!» – еще раз радостно подумала Лида, но тут же нахмурилась.

Раздался оглушительный треск, клубами поднялась пыль, закудахтав, прыснули брызгами по сторонам белые курицы – это на улицу вырвался на мотоцикле без глушителя тракторист Витька Вдовин. Согнувшись, припав телом к мотоциклу, он подлетел к клубу, затормозив, чертом сорвался с седла. На загорелых Витькиных плечах была красная майка, блестящие от масла штаны он по-деревенски заправил в сапоги, а на золотисто-белых волосах чудом держалась кепочка с крохотным козырьком.

– Лида, люблю! – на ходу, торопливо сказал Витька. – На руках буду носить, пылинки сдувать, мухе сесть не дам... Что захочешь – все твое!

Не слушая Витьку, Лида четким шагом вернулась в клуб, проследовала с поджатыми губами на свое прежнее место и села, скрестив руки на груди. Как раз в это время прошлепала страница, дядя Ваня оторвался от газеты и стал помигивать ресницами, приготавливаясь говорить. Лоб у него сморщился, лицо сделалось значительным и важным.

– Узбекистан нынче по хлопку – молодец! – сказал дядя Ваня. – Я этот хлопок, к слову сказать, ни разу не видал, но такую думку имею, что он обличьем на молодой репей похожий. Конечно, репей не хлопок, а хлопок, наоборот сказать, не репей. – Дядя Ваня мечтательно прищурился, пуще прежнего философски наморщил лоб. – Хлопок и репей, они ровно конь, мул и ишак. Вот ты так считай, Лидия Васильевна, что мул – он не конь, а ишак – он не мул. Опять же, с другой стороны, мул – он не ишак, а ишак – не конь.

Закончив речь, дядя Ваня улыбнулся, очень склонясь над газетой, добавил:

– А Витька, который тракторист, парень ладный! Он беспрерывно к мужичьим годам или в председатели колхоза выйдет, или в директоры мастерских. У него, во-первых, глаз, во-вторых, рука.

Старик уткнулся в свои газеты, а Лида, закрыв глаза, сдержанно вздохнула. «Шибко мне нужен твой Витька!» – подумала она снисходительно. Потом она опять стала слушать клубную тишину, печалиться о том, что народ плохо ходит на культурные мероприятия, и думать о своей любви к учителю Вадиму Сергеевичу. Она вспомнила о приезде в деревню студентов, и в груди у нее взволнованно дрогнуло. Затем она открыла глаза и деловито посмотрела на ажурные чулки – туго ли натянуты, ровно ли лежит шов?

Чулки сидели на ноге хорошо, темно-коричневые лакированные туфли делали ногу стройной, высокой на подъеме. Туфли вообще были хорошие, дорогие, и достались Лиде они трудно...

Коричневые лакированные туфли

В них однажды пришла на занятия Лариса Савицкая – самая красивая девушка в группе. Она сидела на парте впереди Лиды, левую ногу Лариса выставила в проход, хотя туфлями хвастать не хотела – просто ей так было удобнее сидеть. Лариса вообще на свои богатые наряды не обращала внимания: то, скомкав, бросит на сиденье джерсевую кофточку, то выйдет под дождь в светлых туфлях, то заляпает чернилами белое вязаное платье.

Левая лакированная туфля одиноко стояла в проходе, солнечный свет отражался в ней, как в зеркале, тускло поблескивала заковыристая пряжка. Подошва у туфли была толстая, прочная, каблук модный, и Лида еле дождалась перемены. Сразу же после звонка она подошла к Ларисе, отведя ее в сторонку, подробно расспросила про коричневые лакированные туфли. Оказалось, что они стоят пятьдесят рублей, родина туфель – Англия.

– Такие трудно достать! – сочувственно сказала Лариса. – Их папе привезли из Москвы...

– Достану! – усмехнувшись, ответила Лида. – А ну, пройдем в туалет!

На ноге туфли казались как бы массивными, тяжелыми, литыми, но когда Лида взяла их в руки, то они оказались захватывающе невесомыми. На ощупь туфли были гладкие и холодные, внутри их обтягивал мягкий, нежный материал, каблук кончался прочной набойкой. Лида со вздохом вернула туфли Ларисе, отойдя назад, еще раз посмотрела на них издали – хороши, что и говорить!

Следующим уроком шла история, преподавал ее близорукий, нервный мужчина, и Лида незаметно вынула из парты лист тетрадной бумаги, написав на нем двузначное число, придумалась; брови у нее сошлись на переносице, подбородок выпятился.

Во-первых, надо было достать пятьдесят рублей. Восемнадцать лежали за бюстгальтером, десять была должна Лиде хозяйка туфель Лариса, два рубля обещала вернуть сегодняшним вечером соседка по комнате. Итого в наличии имелось тридцать рублей, пятьдесят она за туфли платить категорически не собиралась – значит, надо было достать максимум пятнадцать.

Во-вторых, надо было заставить Ларису продать туфли немедленно, чтобы неряшливая девчонка не успела их разбить. Эта задача была труднее первой, но Лида знала, что знакомый лейтенант пригласил Ларису на вечер в Дом офицеров в первый праздничный день – шестого ноября. Нельзя было забывать также, что Лариса ей должна десять рублей...

Сразу после лекций, торопливо перекусив, Лида отправилась доставать деньги. Она пошла по центральной улице города, которая уже жила веселой, суматошной, торжественной предпраздничной суетой – улицу перепоясывали красные лозунги и гирлянды разноцветных лампочек, на высоких зданиях ловкие молодые люди устанавливали неоновые транспаранты, навешивали разноцветные флаги. На центральной площади стоял зеленый военный оркестр, играл тугой марш, под который, высоко подбрасывая ноги, маршировали курсанты артиллерийского училища.

Шагая мимо оркестра и важных курсантов, Лида невольно двигалась в такт музыке, размахивая руками, ей казалось все это очень смешным, и она улыбалась оркестру, курсантам, мальчишкам, которые серьезно шли рядом с зеленым строем. У Лиды было прекрасное настроение – она думала о том, что ей здорово повезло, когда необходимость достать деньги на туфли совпала с приближающимся праздником.

В конце центральной улицы Лида повернула налево, прошла по узенькому переулку, миновав Дворец культуры металлистов, оказалась возле проходной машиностроительного завода. Она вошла в будку, где сидел усатый вахтер, вежливо попросив у него разрешения, позвонила в сборочный цех. Услышав ответ, она пригласила к телефону мастера Прибыткова, а когда раздался его голос, обрадованно сказала:

– Дядя Федя, это я, Лида! Мне бы с вами повстречаться надо.

– Сейчас тебя пропустят, Лидуша! – закричал дядя Федя.

Боже, что творилось на заводе! По бесчисленным асфальтовым дорожкам бежали автокары с тяжелым грузом, из цеха в цех перебегали мужчины и женщины в комбинезонах, на высоких местах висели плакаты и лозунги с призывом встретить большими трудовыми подарками сорок девятую годовщину Великой Октябрьской революции. Из открытых ворот приземистых корпусов вырывался железный грохот, из литейного цеха клубами валил дым, вокруг сборочного стояли под открытым небом свежепокрашенные шахтные вентиляторы, да так много, что Лида сбилась со счета и подумала! «Будут у меня пятнадцать рублей!»

В сборочном цехе творилось невообразимое: все бежали, станки выли со злобной веселостью, краны суматошно плыли над головой, в углах сверкали огни электросварки, девичий голос торопливо приглашал по радио какого-то инженера Пузикова в кабинет начальника цеха. Знакомый мастер дядя Федя (далекий родственник Лиды, пять лет назад уехавший из ее родной деревни) тоже бежал, суетился, нервничал. Он схватил Лиду за рукав, дыша табаком, хрипло проговорил:

– Становись немедленно на упаковку!

Ошеломленная грохотом, светом, нервностью и лихорадочной спешкой, Лида все-таки задержала дядю Федю, подставив к его уху губы, прокричала решительно:

– Мне пятнадцать рублей надо!

– Хоть сто! – тоже криком ответил дядя Федя. – Немедля становись на упаковку!

Лида пошла в цех готовой продукции, хотя всегда немного робела перед бригадиром упаковщиц тетей Нюрой – двоюродной сестрой своей матери. Тетя Нюра уехала из деревни давно, лет пятнадцать назад, стала совсем городской жительницей, всех своих детей вывела в инженеры да во врачи – тетя Нюра когда то была очень красивая.

– А, Лида! – сказала тетя Нюра, увидев девушку. – Опять пришла!

После этого произошло то, что всегда было неприятно Лиде и чего она побаивалась, – тетя Нюра грустно посмотрела на нее и усмехнулась. У тети Нюры были спокойные глаза, волосы она гладко зачесывала, в ушах блестели маленькие сережки.

– Все покупаешь? – отчего-то вздыхая, спросила тетя Нюра. – Ох, Лидка, Лидка!

В комнате, где работали упаковщицы, было для завода очень тихо, женщины здесь работали неторопливо, но быстро, и все они чем-то походили на тетю Нюру: были такие же аккуратные и основательные. Когда тетя Нюра и Лида разговаривали, работницы старались не слушать их.

– Ох, Лидка, Лидка! – повторила тетя Нюра и обняла Лиду за твердые плечи. – И здоровая ты, и работающая, и красивенькая, а вот...

Лида молча глядела в пол. Она уже немножко привыкла к тому, что тетя Нюра за что-то непонятное каждый раз упрекает ее: то скажет, что Лиде надо больше читать, хотя Лида прочла все книги, рекомендованные Галиной Захаровной, то говорила про что-то непонятное, хотя Лида училась вполне хорошо.

– И к нам не заходишь! – еще раз вздохнула тетя Нюра.

– Мне становиться на упаковку? – тихо спросила Лида. – Дядя Федя велел...

– Что же, становись...

Лида встала на упаковку отбойных молотков в четыре часа пополудни, а закончила работу в восьмом часу утра следующего дня. Она проработала пятнадцать с лишним часов, немного больше, чем две смены, но когда мастер дядя Федя подсчитал, то оказалось, что она заработала около двенадцати рублей. Тройки не хватало. Лида сбегала к телефону, позвонила девочкам в общежитие, чтобы они предупредили Галину Захаровну о возможном опоздании Лиды на занятия. Проработав еще около четырех часов, она добрала недостающие деньги.

Четвертого поября Лида получила в кассе завода пятнадцать рублей с копейками. Начальник сборочного цеха, подписывая денежный документ, сердечно поблагодарил ее за

помощь заводу и пригласил в конце месяца прийти опять: заводу иногда не хватало неквалифицированных рабочих рук. А пятого ноября, накануне праздника, Лида в училище пришла загодя, встав у входа, стала дожидаться Ларису Савицкую.

Красавица была в коричневой цигейковой шубе, дорогой костюм из кашмилона ловко обтягивал ее гибкую фигуру, ноги в ажурных чулках, только еще входящих в моду, были сунуты в коричневые лакированные туфли. Ни слова не говоря, Лида обошла Савицкую, внимательно оглядела туфли, нахмурившись, отвела девушку в сторонку.

– У меня к тебе вопрос, Лариса!

Решив поначалу не идти на крайнее средство, Лида крепко взяла красавицу за тонкую руку и строго посмотрела ей в лицо.

– Ну, вот что, Лариса, – сказала Лида. – Мне деньги нужны! Думаешь, для тебя одной праздник?

Лариса пахла шоколадом, заграничными духами, тонкие пальцы были унизаны кольцами, на запястьях звенели браслеты; она была такая нежная, слабая, качающаяся, что мягкая ее рука сама выскальзывала из шершавых пальцев. Лида сняла руку с Ларисиной кисти и отвернулась, так как красавица деланно расширяла глаза, капризно открывала пухлые губы. Фальшивое, жалкое выражение появилось на лице Ларисы. Потом она тоненьким, неискренним голосом воскликнула:

– Ой, прости, Лидушка! Завтра отдам.

Лида насмешливо покачала головой: это «завтра», длилось вот уже два месяца. Правда, Лариса несколько раз за это время выклянчивала у отца деньги, но до училища не доносила: то поедет в такси, то забредет в магазин, то до отвала нажрется в кафе пирожными. Однажды она даже умудрилась довести до школы шесть рублей из десяти, но Лида не взяла: кому охота терять четыре рубля!

Сегодня Лариса тоже врала, фальшивила. Лида презрительно посмотрела на нее, передернула плечами, вынув из-за бюстгалтера стопочку пятирублевых бумажек, сказала:

– Не хочешь отдавать долг, продай лакированные туфли. Дам тебе сорок пять рублей, десять ты должна. Вот тридцать пять!

Голубые глаза Ларисы завороченно остановились на деньгах. Сначала она подняла руку, чтобы взять их, потом движение задержала, жалобно простонав, замерла с полупротянутой рукой. Глаза у нее были громадные, ресницы длинные, загнутые, цвет лица прекрасный, волосы густые – что и говорить, красивая была девчонка!

– Подарок отца, нельзя... – прошептала Лариса.

Лида надменно усмехнулась. Она однажды слышала, как Лариса в телефонном разговоре назвала отца «старым дураком», а все училище знало, что весной Лариса собиралась уходить из дому только из-за того, что отец не мог достать ей путевку на крымский курорт.

– Ой, не могу я! – шептала Лариса. – Ой, не могу!

Секунду назад Лида собиралась еще нажимать на Ларису, решила пригрозить красавице Галиной Захаровной, но вдруг ей стали так противны фальшивые глаза, так захотелось дать Ларисе звонкую оплеуху, что пришлось отступить на два шага. Сдерживая себя, Лида гневно заглянула в пустоту Ларисиных глаз, энергично взмахнув рукой, сказала:

– А, черт с тобой! Если продашь туфли, завтра отдежурю за тебя по училищу. Гуляй со своим лейтенантом!

– Ой, согласна! – на все училище закричала Лариса. – Ой, Лида, ой, голубушка!

Лида весело засмеялась. «Забыла про отца, подлая!»

Шестого вечером Лида дежурила по учебному корпусу. В новых туфлях, в новом костюме, она стояла у окна и с улыбкой глядела, как за толстыми стеклами двигалась шумная, праздничная толпа. На электрической плитке она на ужин варила себе картошку, на газете бле-

стела жирная маринованная селедка, в банке из-под фруктовых консервов лежал кусок холодного вареного мяса.

С тех пор прошло два года. Коричневые лакированные туфли жили до сих пор – на них не было еще ни одной опасной трещинки, каблук еще не стерся, стельку не проел пот. А теперь у Лиды были еще ажурные чулки, белое вязаное платье. Она была одета точно так, как когда-то Лариса...

2

После восьми часов в клуб начали приходить люди. Первыми вошли и робко сели у стенки две девочки лет по четырнадцать в одинаковых крепдешиновых платьях и туфлях, с одинаковыми прическами и с одинаковым выражением лиц. Присев на скамейку, девчонки одинаковыми глазами посмотрели на Лидины ажурные чулки. Минут десять спустя вошли еще три девушки, потом пришагал угрюмый горбатый парень, а еще через пять минут пришла и села в уголок солдатская вдова Катерина в глухом черном платке.

– Проходите, товарищи, проходите! – говорила Лида. – Будете хорошими гостями!

На лице Лиды сверкала специальная, заученная улыбка, каблучки туфель стучали весело, спину она держала прямой, гордой и вообще опять очень походила на свою любимую преподавательницу Галину Захаровну. Новые ажурные чулки, модное широкое платье Лида старалась носить так, чтобы они были заметны, так как Галина Захаровна учила: «Девочки, вы должны быть в деревне законодательницами мод!»

– Проходите, проходите, девушки!

Усаживая гостей, улыбаясь им, Лида при каждом своем движении старалась, чтобы платье и чулки были хорошо видны, чтобы девушки понимали, как шьются сборки и как расклешивается подол. Одним словом, она старалась, чтобы деревенские девушки научились хорошо одеваться, правильно держать себя в культурно-просветительном учреждении и вести непринужденную, легкую беседу.

– Садитесь, садитесь! – приговаривала она неестественно громким и оживленным голосом, держась неестественно прямо и стуча громче необходимого каблуками. – Садитесь, ведите непринужденную беседу.

Когда все пришедшие сели, в клубе опять сделалось тихо. Было слышно, как на задах деревни устало дорабатывает трактор и как гогочут гуси, устраиваясь на ночлег посередине главной улицы. Других звуков в деревне не было, и казалось, что за стенами клуба ничего нет: ни домов, ни огородов, ни солнца, что скатывалось на запад, оставляя на деревне свежий розовый след.

– Беседуйте, девушки, – в последний раз сказала Лида. – Вам, наверное, понравился вчерашний кинофильм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.